

Даугава. 87. № 7

ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ,
ВОСПОМИНАНИЯ

Гунта РУДЗИТЕ

«ЗА ДРУГИ СВОЯ»

РЕРИХ И ЛАТВИЯ

Латвия нам всегда была близка, как по народному эпосу, так и по моим предкам...

Николай Рерих

«Из-за моря Варяжского... через сколько веков опять показался на Руси... уж не Рорик, как величали его в Новгороде, а Рерих. И как когда-то он построил свой каменный град. Вспомнил, как сон, и рассказал о морях, где плавал с дружиной, о великанах, о змее, о нойдах, об ангеле грозном, и как строилась Русь...

Синь его от сини северных сумерек.
Зелень от морской муравьи.
Жаркой цвет от жарких костров.
Пламя от пламени
стрел цароградских», —

так с доброй улыбкой писал Алексей Ремизов, намекая на скандинавское происхождение знаменитого русского художника Николая Рериха. Семейные хроники передают, что предки Рериха в Костроме российской остались жить во время войны со шведами при Петре Великом. Меньше знают о том, что уже в том же XVIII веке они переселились в Курляндию.

По старым приходским книгам, жили они в Виндаве (Вентспилс), в Гробине (Гробини), в Либаве (Лиепае)... Мало сохранилось зриемых памятников того времени. По этим местам в 1945 г. прошли ожесточенные бои. Может быть, остатки церковной башни в восточном стиле в Функенгофе (теперь Бунка), около которой,

после капитуляции Курляндского котла, немцы сложили оружие и знамена, могли бы рассказать также и о прадеде художника Иоганне Рерихе (1769—1859). Скорее всего здесь, в окрестностях Дурбе, он арендовал небольшое имение. А дед художника Фридрих Рерих (1801—1905), архивариус, потом секретарь Лифляндского губернского правления, в детстве завидовал старшим братьям, камергердам, воевавшим против Наполеона. Он служил в г. Тукумсе, а «на последнее полстолетие своей жизни, — писал Н. Рерих, — избрал Ригу своим местожительством». Еще сохранились деревянные домики на ул. Фр. Энгельса (тогда Стабу), 42, 44, 39а и каменный дом на ул. Кр. Барона (тогда Суворовская улица), 88, где в то время проживал дед с семьей.

В фондах Лиепайского исторического музея хранится письмо (1867 г.) деда Рериха к горячо любимому племяннику Александру в Либаве — зеркало эмоционально богатой, способной глубоко чувствовать и радость и горе натуры человека, обожающего органную музыку. Наверное, дед сумел передать эту любовь к музыке и внуку Николаю. В письме к латвийскому Обществу Рериха Николай Рерих говорит о «великолепном соборе Петра»: «Мы ходили неоднократно в определенные часы слушать и приобщаться к этой молитве духа... Мощно лились зву-

ки органа. Мне не пришлось узнать, кто был этот выдающийся органист, который, подобно Себастиану Баху, изливал свое божественное вдохновение, мощно наполняя исторические своды влекущими ввысь и возвышающими аккордами... И в нашем обиходе Рига так и осталась прежде всего одухотворенной величественным Собором».

Два столетия Перихи жили в наших краях, и только отец художника нотариус Константин Федорович после женитьбы на псковитянке Марии Васильевне Калашниковой в 1860 г. переезжает из Газенпата (Айзпурте) в Петербург и открывает там нотариальную контору. Но летом из года в год они всей семьей гостят в Риге у деда, отдыхают на взморье в Майоренгофе (Майори), лечатся в Кеммерне, бывают у старых друзей деда в Туккуме.

Много лет спустя, на раскопках в Новгородской губернии около озера Шерегодро, красный янтарь украшений заставляет трепетать сердце художника воспоминанием о другом, рижском побережье, его белом песке. «...Кенигсбергское Археологическое Общество указывает, что эти янтарные изделия (новгородские. — Г. Р.) принадлежат к Кенигсбергскому поморью. Но мне тогда же казалось, что происхождение их вернее и проще искать вблизи латышского побережья».

Вспоминая Латвию, Перих часто упоминал «незабываемые светлые встречи», говорил, что из Латвии были «многие из сотрудников на разных поприщах».

Еще в Художественной академии его товарищем по курсу был известный латышский художник Вильгельм Пурвитис, а на старших курсах в то же время учились прекрасные латышские живописцы Янис Розентал и Янис Валтер. Пурвитис на всю жизнь запомнил время, проведенное в мастерской Куинджи. В его «Жизнеописании» мы читаем: «Проф. Куинджи... был замечательнейшим человеком, он умел поддерживать в других стойкость духа, когда отдалялись надежды». Среди своих самых близких друзей Пурвитис упоминает учеников мастерской Куинджи, своих сотоварищей Рушица, Рылова и Периха. С этими мыслями перекликаются слова Периха из письма Пур-

витису: «Незабвенный учитель наш Архип Иванович навсегда скрепил между своими учениками связи дружбы. Мы можем быть рассеяны по всему свету и тем не менее навсегда остаемся учениками Куинджи» (24.08.37).

Те же чувства Перих прививает своим ученикам, будучи преподавателем и директором школы Общества поощрения художеств в Петербурге.

Летом 1903 и 1904 гг. Перих, тогда еще секретарь Общества, был послан от Петербургского общества поощрения художеств обследовать состояние культурных памятников северной части России и губерний на территории нынешних Литвы и Латвии. Перих не ограничился краткими пометками, а привез около 100 этюдов древней архитектуры, 500 фотографий, фольклорные записи, археологические находки и обширный очерк «По старине».

В статье «Латвия» (1931) Перих дает частичное описание этой поездки: «Затем, в 1903 году мы с Еленой Ивановной (жена художника. — Г. Р.) объехали более сорока городов и исторических мест, среди которых наша поездка по Латвии всегда оставалась памятной. Кроме самой Риги, Митавы и Виндавы мы подробно осмотрели Ливонскую Швейцарию — все эти удивительно живописно романтические памятники прошлого, которые теперь носят такие многозначительные имена, как Сигулда, Цесис, Елгава, Вентспилс. Сколько замечательных исторических и поэтических преданий! Сколько прекрасных образцов и неолита и бронзового века нам удалось собрать! Сколько раз, останавливаясь в поместьях и пасторатах, мы слушали интереснейшие повествования о древних делах. И сама Рига, с древними соборами, с прекрасным органистом, ввела нас в свое славное прошлое. Было написано несколько картин и этюдов, которые сейчас разбрелись по Калифорнию и Канаде. Тоже где-то рассказывают они о Риге, о Митаве, о Зегевольде и как посланники добрые напоминают о красотах Латвии».

Интересна судьба картин архитектурной серии. Распроданные по случаю с аукциона в начале века вместе с выставкой русского искусства

в Америке, они в 1976 г. возвращаются на родину как дар вице-президента Нью-Йоркского музея Рериха Кэтрин Кэмпбелл. Сейчас картины находятся в Московском музее искусства народов Востока.

С 1906 по 1918 г. Рерих, работая преподавателем композиции и директором Петербургской школы Общества поощрения художеств, преобразует ее в демократическое многонациональное прогрессивное училище. Среди его учеников и учениц более 35 человек из Латвии, сохранивших на всю жизнь благодарность чуткому и мудрому наставнику. Многие из этих учеников уходят добровольцами в Красную Армию. А трое из них — Г. Клуцис, В. Андерсонс и К. Вейдеманис, продолжая учиться в художественной студии стрелков, образуют ядро 1-й выставки Девятого стрелкового полка в Кремле 1 сентября 1918 г.

Рерих мечтает о создании истинно народной академии художеств. Уже с 1913 г. он пытается открыть при школе высшие классы-мастерские. Сохранились рукопись его проекта народной академии — «Свободная Академия» и последняя речь на школьном совете в 1918 г. Рерих отказывается от зарплаты в пользу школы, готов всего себя отдать новой жизни, но Новая Страна (так он любит ее называть) еще переживает огромные материальные трудности, идет гражданская война, и школу, основанную на частные пожертвования, приходится закрыть. Рерих, отрезанный войной в Карелии, куда он выехал на лечение, принимает предложение сопровождать выставку русского искусства по Скандинавии, а затем по Америке, оттуда осуществляет давно задуманную экспедицию по Центральной Азии. Но и в Америке продолжает в нем жить идея народной художественной академии. Об этом говорит созданный им Институт Мастера, вместе с научно-исследовательским центром синтеза искусств Корона Мунди и экспозициями искусства разных народов и эпох образующий огромный центр культуры в Нью-Йорке — Музей Рериха. Предусматривалась и Лига Культуры, объединяющая по всему миру многочисленные общества Рериха, основанные с целью борьбы за мир и культурно-

го строительства. Одно из таких обществ сложилось и в Риге.

Основы его были заложены еще в начале 20-х годов рижанином Владимиром Анатольевичем Шибаевым (умер в 1975 г.), позже личным секретарем Н. Рериха. Познакомившись с художником в мае 1920 г. на выставке его картин в Лондоне, Шибаев осенью 1924 г. следует за ним в Индию, Дарджилинг, откуда привозит в Ригу рукопись новой книги Рериха «Пути Благословения» и идею международной (Латвия, СССР, Франция, США) фирмы по изданию и торговле книгами «Уорлд Сервис». В Риге открыт магазин, где на полках — помимо новейших зарубежных изданий упомянутого произведения Николая Константиновича — сочинения, изданные обществами Рериха. Имя Рериха, его идеи о мире, культуре, сотрудничестве народов как магнит притягивают и связывают крепкой дружбой самых разных людей, таких, как путешественник-востоковед Н. Кардашевский, врач Ф. Лукин, каменщик Авг. Берзинь и др. Увлекательные беседы в сумеречном помещении магазина в Старой Риге. В кабинете Кардашевского — где книги по Востоку, старые свитки, бронзовые статуэтки, маски — свидетельства путешествий. Беседы в кабинете Лукина, где в приемной на столике не дешевые потрепанные журналы, а новейшие книги по искусству, науке, философии.

Да, странный человек этот врач, имеющий самую большую практику в Риге и самые пустые карманы. «Добрый доктор», «доктор бедняков», просто «доктор», который выдворяет даму в манто, советуя лечиться воздержанием в еде, и часами отыскивает квартиру пациента в узких улицах нищенской окраины. Окулист с завидной частной практикой, он бросает ее, чтобы ездить с передвижной колонной целителей трахомы по деревням России. Подлечив свой туберкулез, лечит других от этого страшного недуга, болезни бедноты. Организует первый санаторий под Ригой (когда-то здесь будет работать его внук — пульмонолог Ариан Лукин). Мечтает о сети трудовых туберкулезных санаториев по всей Латвии. Часто не только отказывается от гонорара, но отдает по-

следнее пациенту. Потому что «плохо, когда пациент говорит, что ему не хочется есть, но страшно, когда ему хочется есть, но нечего есть». Многократные поездки за границу, изучение различных методов лечения... Он объединяет современные ему методы обследования с интуицией врача. И надо всем — энергия живого, трепещущего сердца. И ранний уход, уход человека, по словам Рериха, «в истинном смысле слова отдавшего душу за други своя». В несколько строк не уложит краткую биографию Феликса Денисовича Лукина (1875—1934), близкого друга семьи Рерихов, перенявшего руководство группой почитателей художника после отъезда Вл. Шибаева в 1928 г. к Рерихам в Индию.

Между Ригой и Гималаями заявляется интенсивная переписка, а летом 1930 г. Ф. Лукин встречается с Рерихом в Париже. В октябре того же года Общество Рериха в Латвии зарегистрировано официально, по уставу — «с целью ознакомления населения Латвии с работами Рериха и развития духовной культуры, чтобы в сотрудничестве с подобными организациями и учреждениями, основанными во имя друзей Рериха... укрепить дружбу народов и взаимное их сотрудничество в области искусства и других проявлений культуры». Общество имело пять секций: философии Живой Этики, научную, художественную, женскую, и Пакта Мира.

Секция философии Живой Этики изучала серию книг, изданных Гималайским научно-исследовательским институтом Урувати. «Знакомясь с жизнеописаниями деятелей всех веков и народов, можно видеть, насколько древни основные законы», — писал Рерих в Ригу, подчеркивая необходимость, чтобы и философия и этика были «живыми», связанными с каждодневной жизнью.

Рерих еще студентом, посещая Петербургскую публичную библиотеку, отметил близость литовского и латышского языков, древнейших традиций, мышления, этики — Востоку. Вспоминая встречи и разговоры в библиотеке с поэтом Вл. Соловьевым и критиком В. Б. Стасовым, он пишет: «Владимир Соловьев требил свою длинную бороду и пов-

торял: «А ведь это Восток, великий Восток». А Стасов усмехался в свою еще более длинную бороду, приговаривал: „Как же не Восток, если и язык-то так близок санскриту?“», Рерих писал латвийскому Обществу из Индии: «И сейчас среди цветущих деревьев и снежных вершин Гималаев мы постоянно вспоминаем Латвию под знаком ее языка, так родственного санскриту... Как мощно обязывает это внимательно относиться друг к другу, вспоминая о ведущих корнях». «Такое блестящее наследство не может проходить бесследно. В нем нужно искать и причины богатства латвийской поэзии, песен, костюмов, преданий — фольклора. Народ, владеющий такими неотъемлемыми сокровищами, знающий такое свое прошлое, будет бодро работать и для будущего».

В научной и художественной секциях читались доклады по разным вопросам. Как врач и учений Ф. Лукин сотрудничает с институтом Урувати, получает оттуда лекарственные корни и травы высокогорья, записи секретов народной восточной медицины, делится своим опытом. Его избирают почетным членом института.

Лукин — зчинатель библиотеки Общества и рижского музея Рериха, к 1934 г. насчитывающего 12 оригинальных полотен и около 80 оформленных репродукций с картин художника.

Женской секцией руководит Екатерина Яковлевна Драудзинь (1882—1969), одна из первых женщин зубных врачей Латвии, за революционную деятельность высланная в 1906 г. Среди изданных Лукиным книг — возвзвание Н. К. Рериха «К женщинам» на русском и латышском языках, его речь «Задачи женщины новой эпохи». В начале 1934 г. по предложению Общества собирается первая конференция всех женских организаций Латвии.

После преждевременной смерти Феликса Лукина Общество возглавил один из старейших членов Рихард Рудзитис (1898—1960).

Поэт, писатель, журналист, переводчик, Р. Рудзитис учится на филологическом факультете в Тарту, а в 1931 г. оканчивает философский факультет Латвийского университета. Трудное детство, сложные годы двух

мировых войн — и приморская природа, свет мысли любимых писателей. Он тянеться к красоте и гармонии во всем, жизненные несправедливости для него прежде всего нечто недостойное человечества, калечащее человека. Красивое — это доброе, справедливое, этическое. Эту мысль он находит и в народных песнях — дайнах, на эту тему пишет дипломную работу. Это его пожизненная тема.

В философии Рудзитис ищет смысл жизни. Он доискивается ответа у античных мыслителей, в древних за-конах Востока, где человек — часть Космоса. Девятилетним мальчиком пишет Льву Толстому, потом обращается к Ромену Роллану, Рабиндранату Тагору. Еще в студенческие годы в Тарту (1918) напечатаны первые 12 стихов из «Садовника» Тагора в его переводе, а потом будут новые и новые переводы, книги, статьи о Тагоре. Попытки переводов Упанишад и Вивекананды. Саади, Румый, Мультатули. Любовь к Востоку и искания красоты приводят его к Рерихам. Он сразу чувствует в Обществе себя как дома; здесь его настоящее место.

За восемь лет общения с Рерихами (1932—1940) Р. Рудзитис получил около 170 писем от Николая Константиновича, 68 — от Елены Ивановны, десятки — от сыновей Рериха Юрия и Святослава Николаевича, 160 — от Владимира Анатольевича Шибаева. Многие выражают желания и мысли Рерихов, говорят об их жизни. Это не считая поздравительных открыток, телеграмм, посланий.

Рерихи уважают Рудзитиса прежде всего как писателя: «Ученый и поэт, это совмещение не часто встречается, а у Вас оно налицо, и ученье Ваша именно настоящая».

«Спасибо Вам сердечное за большую радость, нам доставленную Вашей новой книгой», — пишет Николай Константинович после появления книги Р. Рудзитиса «Сознание красоты спасет». — Поистине кроме вдумчивого увлекательного изложения вся книга привлекает к себе своей духовной чистотой. Как ценно, что в Латвии издаются такие чистые идеальные книги и можно лишь пожелать, чтобы она проникла в широкие слои общества. Пусть книга войдет в школьные библиотеки. Пусть она

найдет путь и за границу, пусть и в других странах знают, чем горит дух Латвии. Еще раз спасибо за празднику духа».

В 1935 г. появляется книга Рудзитиса «Николай Рерих — провозвестник культуры». Это, по сути, первая обстоятельная книга, освещющая деятельность Рериха 20—30-х годов.

По возвращении на Родину в 1957 г., при первой встрече на советской земле, сын Рериха Юрий Николаевич передает Рихарду Яковлевичу пожелание родителей, чтобы он написал о космическом аспекте в творчестве Николая Константиновича. Ознакомившись с манускриптом Рудзитиса «Космические струны в творчестве Николая Рериха» (1960), Юрий Николаевич его одобрил.

Латвийское Общество Рериха имело свое издательство — «Угунс», которое выпустило около 50 книг. Бесменным его руководителем, редактором, корректором, часто и переводчиком и автором был Р. Рудзитис. И в оформлении книг Рерихи вскоре полностью ему доверили.

Старая дружба связывала с руководителями Общества режиссера Эдуарда Смилгиса. Еще весною 1927 г. по предложению Феликса Лукина он ставит драму английского писателя Саттона Вена (Sutton Vane) «В неизвестную гавань», которая потом обошла всю Латвию. В те же годы он размышляет о постановке драмы Р. Рудзитиса «Вечно близкие». А в 1939 г. театр Смилгиса и Общество Рериха — единственные учреждения, которые предоставляют свои помещения для выставки советской книги и детского рисунка.

Продолжает расширяться музей, официальное открытие которого состоялось осенью 1937 г., в новом помещении Общества на Елизаветинской улице (сейчас ул. Кирова). Теперь здесь уже 55 картин Рерихов, отца и сына Святослава, также отделы прибалтийского и восточного искусства. В Центральном государственном историческом архиве ЛССР хранится «Книга гостей» музея. Причаститься к искусству Рериха помогал и вышедший в 1939 г. альбом-монография со статьями русских советских писателей Вс. Ник. Иванова и Эриха Голлербаха, а также каталог музея, 35 открыток и свыше стаrepidукций.

Событием в истории Общества был конгресс обществ Рериха Латвии, Литвы и Эстонии в Риге в 1937 г., посвященный 50-летию творческой деятельности Н. К. Рериха. Со всех концов мира поступали приветствия от учреждений и отдельных лиц — от друга Латвии профессора Сунита Кумара Чаттерджи, Рабиндраната Тагора, крупного ученого Джагадиса Буша, бывшего секретаря Льва Толстого Валентина Булгакова и др. Материалы конгресса были опубликованы в книге. Предполагалось созывать ежегодные конференции, посвященные проблемам науки, искусства и философии, но этим планам не суждено было сбыться.

Одним из важнейших вопросов на конгрессе был вопрос о Пакте Мира. Политическая ситуация требовала особой заботы о нем и о Знамени Мира по охране культурных ценностей.

«Посылаю Вам записной лист «Мир», — писал Николай Константинович Р. Рудзитису еще 29 августа 1936 г. — По газетам видно, что это слово должно быть повторяется вроде мантрама — уж очень велико напряжение. К синодику разрушенных памятников приходится прибавить и знаменитый собор в Севилье. Повсюду можно видеть, насколько необходим Пакт. Нужен моральный стимул, чтобы предупреждать вандализмы».

«Во всяком случае, — повторяет он в письме от 17 апреля 1937 г., — нужно всеми силами и во всех направлениях продвигать дело Пакта. Неужели недавние испанские печальные примеры не научат людей осторожности в охранении истинных ценностей».

Весною 1937 г. общий меморандум, подписанный тремя прибалтийскими рериховскими обществами, вместе с листами подписей известных деятелей культуры былнесен Прибалтийской конференции министров иностранных дел. Ощущимых результатов не было. Но Николай Константинович пишет Р. Рудзитису 4 мая 1937 г.: «Вам удалось совершить огромный шаг, приобретя общественное мнение. В конце концов совершенно не важно, по каким правительственный перипетиям будет кататься Пакт. Прежде всего общество мнение должно принять

его и осознать значение охранения культурных сокровищ. Такое приобретение общественного мнения послужит для развития общества вообще. Из более или менее закрытого Вам удалось выйти на широкую общественную арену».

Эти действия, конгресс, Пакт ставили под угрозу само существование рижского Общества, за «вмешательство не в свои дела». Перерегистрация Общества из года в год все больше затруднялась. Серьезным «преступлением» считался интерес и связь Общества с Советским Союзом.

Рижское Общество было мостом между Рерихами и Родиной. Многие письма Рериха к брату Борису Константиновичу в Москве, к архитектору академику А. Щусеву, к художнику И. Грабарю и к другим корреспондентам посыпались через Ригу. Академику Н. И. Вавилову по его просьбе для Всесоюзного института растениеводства посыпались семена высокогорных растений. Também этим путем шел обмен книгами. Книги, выпущенные издательством Общества, журнальные статьи, вместе с изданиями института Урусвати Рерихи просили передавать также советским друзьям в Латвии из полпредства и Всесоюзного общества культурных связей и посыпать в Советский Союз. «Спешите со всеми добрыми отношениями со Шв. (Швеция, Северная страна, Новая страна — так условно для цензуры в письмах был обозначен Советский Союз. — Г. Р.) — повторял Н. Рерих. — Продолжайте посыпать книги в Шв.» «Все заветы о культуре необходимо по возможности протолкнуть в Швец. Ведь у них следующая задача — красота жизни. Разве это не чудо?» (Из письма к Р. Рудзитису 12.10.36).

Пытался познакомить латвийского читателя с русской и советской культурой альманах «Мысль», задуманный как периодическое издание, но осенью 1939 г. запрещенный и конфискованный. Второй том его вышел под другим названием — «Литературные записки». Номер был посвящен советской культуре и — по совету советского полпредства — Красной Армии. Конфискововать его власти уже не успели. После восстановления Советской власти в Латвии

4

27 июля 1940 г. на первой странице центральной газеты «Яунакас зинякс» (где новым редактором стал Гаральд Лукин, секретарь Общества Рериха) Н. Рерих приветствовал латышский народ в очерке «Любовь к Родине».

Через Ригу Рерихи и решили вернуться в Советский Союз, чтобы избежать препятствий,чинившихся английскими колониальными властями в Индии. В 1938 г. Рерих просит подготовить место в Риге для его архива. 2 декабря 1939 г. пишет в Ригу: «Времена грозные и трудные... Особенno теперь все культурные силы, светло и широко мыслящие, должны объединиться в мощном строительстве. Потому я и писал Вам и о выставке и о ближайшем сотрудничестве и даже готовности приехать на общую пользу. Так и скажите и шведским друзьям и всем прочим. Вы достаточно знаете мою биографию и все мои труды на пользу молодого поколения. Теперь же, когда столько опыта накоплено, надо его всемерно прилагать на культурном поприще... В трудные дни, пережитые миром, хотелось бы быть среди друзей...» Получен положительный ответ от советского полпредства в Латвии, которое готово помочь всем, что в его силах. Но начинается война.

Погибают восемь картин Рериха, вывезенные фашистскими оккупантами. Многие из бывших активистов Общества должны скрываться, например депутат сейма врач Гаральд

Феликсович Лукин и член КП(б) Латвии, в 1940 г. ставший директором завода и редактором «Русской газеты», Иван Георгиевич Блюменталь (1898—1973).

После войны картины Рериха впервые появляются в экспозиции русского отдела Художественного музея Латвийской ССР в 1956 г. Затем заботами заведующей русским отделом Татьяны Александровны Качаловой готовятся другие экспозиции. Картины выставляются в Москве, других городах. Появляются статьи в периодике, радиопередачи. Для постоянной выставки картин Рериха отводится отдельная комната.

Р. Рудзитис говорил: «Нас в личности Рериха особенно привлекает то, что он не просто мыслитель-поведник или мечтатель, он не провозгласил ни одной идеи, которую было бы невозможно реализовать и для осуществления которой им уже не заложены были первые прочные основы. Он дал множество могучих начинаний, культурных учреждений, которые своей монументальностью заставляют вспомнить великих созидателей истории» («Николай Рерих — провозвестник культуры»).

«Итак, преуспевайте на всех областях... Из Риги всегда идут добрые вести — это так было — так будет. Будьте сильными, будьте самыми замечательными деятелями Вашей милой нашему сердцу страны», — писал Николай Рерих Рихарду Рудзитису 24 мая 1937 года.

САЖАТЬ РОЗЫ — НЕОБХОДИМАЯ БОЛЬ

Летом 1975 года, в Доме творчества писателей в Дубулты, я познакомился с латышским поэтом Эйженом Веверисом. И сразу у меня возникло желание рассказать алтайским читателям о судьбе этого человека, о его книге стихов «Сажайте розы в проклятую землю», подобной фучиковскому «Репортажу с петлей на шее». Почти ежедневно общаясь с этим простым и скромным человеком, я вел дневниковые записи, как бы внутренне готовился писать штрихи к его портрету. Но что-то помешало мне сделать это по горячему следу.

Прошли годы. Однажды в Киеве, на писательском форуме, я встретился с Марисом Чаклайсом и рассказал ему о своих беседах с Веверисом. Марис сказал: «Напишите воспоминания. Интересно, как на творчество латышского поэта смотрит алтайец, человек совершенно иной среды».

Лучше тебя, Эйжен-ага¹, лучше твоих кровью сердца написанных стихов, я никогда не смогу рассказать о Маутхаузене, в застенках которого в те страшные для человечества годы мученически умерщвлены фашистами более 120 тысяч человек, где и ты, жестоко страдая, но не склоняя перед палачами головы, теряя годы свои, силу и молодость, откуда ты сумел выйти по-

¹ Ага — почтительное обращение, в буквальном переводе — «старший брат». — Прим. авт.

бедителем и настоящим борцом за право быть человеком.

О Саласпилсе, что в твоей родной Латвии. В годы войны гитлеровцы превратили его в могилы ста тысяч ни в чем не повинных людей, построив там один из многочисленных лагерей смерти.

«Из двух тысяч заключенных саласпилцев, отправленных в Маутхаузен, в Ригу вернулись 34 человека», — так, Эйжен-ага, писал в своей книге «Две жизни» твой земляк и друг Гунар Курпнек. Среди этих тридцати четырех был и ты. Как хорошо, что ты выжил и вернулся домой, в родную Ригу. И волею судеб мне, сыну алтайских гор, суждено было общаться с тобой на прекрасном Рижском взморье. Я благодарен судьбе, что встретился с тобой, Эйжен-ага! Ты на родину вернулся, как сказал русский поэт Михаил Луконин, «не с пустой душой», а с полными мужества и горечи стихами, которые затем вошли в твою первую и лучшую книгу, написаннуювойной и самой смертью.

Я был в Саласпилсе. Был, конечно, одним из экскурсантов. Там латышский народ соорудил музей в память жертв гитлеровского фашизма. Я до сих пор слышу пронзительно-мерный стук саласпилского метрона. Вечный подземный стук сердца погибших доходит и до меня, до моего дома, до Горного Алтая. И особой болью отдается в эти дни, когда я пишу странички своих воспоминаний о тебе, Эйжен-ага.